

нам, через ночь, в продолжение пяти-шести морозных часов, а на другой день следовать в дороге, со всякого рода наблюдениями и сборами коллекций¹), на высоте на три-четыре версты, превышающей Петроград... Нервы наши были напряжены до крайности...

Много времени прошло с тех пор, но зимнюю экскурсию в Амдо я помню как сейчас, и живо чувствую ее кошмарный ужас, словно переживаю снова самое путешествие в этой угрюмой, неприветливой стране. Вместе с тем Амдо'ское нагорье всегда будит во мне чувства глубокой благодарности и нежной дружеской привязанности к моим спутникам — избранникам русского народа, с которыми только и можно совершать такие подвиги... Надеюсь, за последнее выражение простит мне читатель, в крайнем случае тот, — который сам хоть немного вкусили прелести в странствованиях по диким странам Центральной Азии...

¹⁾ Суеверные туземцы, в нашем намерении разузнать что-либо о их стране или осмотреть горы и отбить образчик горной породы, видели для себя большое несчастье — увоз русскими их «благ природы», поэтому против наших открытых наблюдений страшно протестовали. Пришлось вести их втихомолку.

